

А.А. Корольков*

ЭСТЕТИЗМ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА КАК АНТИПОД ЭГАЛИТАРНОГО ПРОГРЕССА И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье дана авторская оценка идей К.Н. Леонтьева об эгалитарном прогрессе с точки зрения эстетического критерия. Автор показывает, что взлет интереса к творчеству Леонтьева не случайно проявился в 1990-е гг. Отмечено историческое значение работы «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», опередившей предостережения западных философов и социологов на десятилетия.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, эгалитарный прогресс, эстетизм, средний европеец

Konstantin Leontiev's aestheticism as an antipode of the egalitarian progress and mass culture. ALEXANDER A. KOROLKOV (Herzen University)

The author gives the interpretation of Konstantin Leontiev's ideas about egalitarian progress from the point of aesthetic criterion. It is shown that a rapid growth of interest in Leontiev's works in the 1990s was not accidental. The article also outlines the historical significance of the work "The average European as an ideal and instrument of universal destruction", which outstripped the warnings of Western philosophers and sociologists for decades.

Keywords: K.N. Leontiev, egalitarian progress, aestheticism, the average European

Никто так ярко и глубоко не писал в XIX в. о пагубе однообразия, уравнительного прогресса, как Константин Николаевич Леонтьев. Его пламенная публицистика пронизана неприятием усредненности лиц, сословий, культур. Все, что разрушает, деформирует эстетику бытия, – это движение к смешительному упрощению, к усреднению, к эгалитарности. Эстетический критерий превосходил все иные при оценке исторических событий, литературных произведений и отдельных личностей. Ему неприятен был европейский пиджак, но восхищала турецкая феска, в молодости он еще щеголял в «не по чину барственной шубе», но постепенно этот внешний эстетизм все более сдвигался

в сторону самого простого кафтана и монашеского подрясника. В детстве, когда мать взяла его с собой в Оптину пустынь, он провидчески сказал: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно тут останусь» [4, с. 797]. Его восхищение красотой Оптиной пустыни только укреплялось с возрастом, упокоился он неподалеку от другого духовного и эстетического центра России – Троице-Сергиевой Лавры, в Гефсиманском скиту. Универсальность эстетического критерия вряд ли столь категорично звучит у какого-то другого мыслителя: «Эстетическое мерило самое верное, ибо оно единственно общее и ко всем обществам, ко всем религиям, ко всем эпохам приложимое» [7,

* КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

E-mail: a-korolkov@mail.ru

© Корольков А.А., 2022

с. 217]. Это вовсе не означает отрицания нравственности в угоду эстетизму. Ему чуждо морализаторство, но не нравственность с ее нацеленностью на совершенство. Если бы это было не так, то не стремился бы он к монашеству и не пришел бы к нему, ведь и похоронен он был как монах Климент. Насколько высоким считал он монашеское служение и насколько труден для него был этот выбор после многих лет дипломатической службы и языческих зигзагов молодости – почти автобиографически описал он в небольшой книге «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни», книге о другом и духовном наставнике, не дожившем до пятидесяти. «Страшно за себя, страшно за близких, особенно страшно за Родину, когда вспомнишь, как мало в ней таких людей и как рано они умирают, не свершив и половины возможного» [5, с. 351]. Преодоление бурной эмоциональности, впечатлительности, «тревожности в сношениях с людьми» роднило Леонтьева с о. Климентом Зедергольмом. Эти качества позволяли Леонтьеву писать не только остро полемические статьи, но и прозу, обращенную к сокровенным движениям человеческих душ.

К.Н. Леонтьев всматривался не только в исторические коллизии, он многое сказал о себе, о противоречиях становления собственного мировоззрения, которое биографы назовут консерватизмом. Он откровенно писал, что в 20–25 лет не понимал еще разницы между прогрессом образованности, науки и прогрессом свободы, которая увлекала призраком равенства. Его на время очаровала даже романтика революций, не бунты и кровь, а эстетика революций со сражениями и баррикадами. Нелегко было противостоять веяниям современности, критицизму Гоголя, который не стал еще поздним Гоголем с его духовными исканиями. И все же он нашел в себе силы противостоять идеям, захватившим образованные слои Европы, и России. Признавался позднее, что его спасла эстетика жизни. «Я идеями не шутил и не легко мне было “сжигать то”, чему меня учили поклоняться и наши, и западные писатели... Но я хотел сжечь и сжег! Догорела последняя тряпка гоголевских обносков» [2, с. 298].

Леонтьев знал о разнообразии человеческих талантов, умел ценить таланты писателя, старца и ремесленника, напоминал о словах апостола Павла о том, что каждый должен оставаться в том звании, к коему призван. Сам Леонтьев был призван ко многому – реализовал себя он и

как врач, и как дипломат, и как философ, и как молитвенник, и как повествователь.

К.Н. Леонтьев – из тех редких мыслителей, у которых теоретические размышления совпадали с их жизнью. Он не просто отказался от карьеры успешного дипломата, имперского служащего, но стал неузнаваемым даже внешне: это видно на сохранившихся фотографиях – в молодости красавец – аристократ в шубе с роскошным воротником, а в зрелом возрасте – в скромном, почти крестьянском кафтане. Внешнее и внутреннее в человеке для него неразделимы: «Изменение внешних форм быта есть самый верный и могучий признак глубокого изменения в духе» [8, с. 130]. Стремление людей, особенно молодых, «стать такими, как все», рождало в Леонтьеве не тревогу даже, а ужас неотвратимой беды для цивилизованного человечества, которое тем самым «устремится в какую-то темную бездну будущего, бездну незримую еще» [4, с. 267]. Незримую для современников Леонтьева, вовлеченных в этот поток, несущийся с убыстряющейся скоростью, но зримую для его эстетического чувства. Наши идеалы обнаруживаются даже в одежде – об этом он настойчиво писал в серии философско-публицистических работ, подчеркивая, что все это – проявления и оттенки эстетики живой, а не музейной: «...Все эти внешние формы, говорю я, вовсе не причуда, не вздор, не чисто “внешние вещи”, как говорят глупцы; нет, они суть неизбежные последствия, органически вытекающие из перемен в нашем внутреннем мире, – это неизбежные пластические символы идеалов, внутри нас созревших или готовых созреть» [7, с. 232].

Не было в XIX в. более последовательно и дальновидного критика либерализма, чем К.Н. Леонтьев. Он сумел в зародыше увидеть и даже классифицировать виды либерализма. Наибольшие вред и опасность он связывал не с влиянием на Россию западных либеральных идей, а с неспособностью отечественной интеллигенции отказаться от увлечений, подтачивающих крепость государства. «Эти полунигилисты, нигилисты тайные вреднее не только воюющих с нами иноплеменников, но даже и отъявленных крамольников, ибо эти последние идут на открытую борьбу и тем самым облегчают отпор, который дают им власти. Но куда как зловреднее нигилизм умеренный, однако лукавый, дышащий безопасно под мундиром чиновника, на профессорской кафедре и особенно

в очень умных и хитрых статьях либеральных газет» [6, с. 103–104]. Именно они разжигали костер радикализма Веры Засулич и вели к социальным катастрофам.

А стремление к свободе часто отождествляется (и об этом писал Леонтьев) с отрицанием всяких авторитетов. Вот строки из «Записок старого петербуржца», родившегося в 1900 г., но отражающих либеральные умонастроения общества, двигавшегося к революциям. Когда автору записок было около пяти лет, он услышал от матери запомнившийся на всю жизнь рассказ: «Россией правит злой царь, его зовут царем-вампиром. С ним борются многие хорошие люди. Он хватает их своими когтями и бросает в каменные мешки, в тюрьмы. В тюрьмах сидят очень честные и очень добрые люди. Когда-нибудь они победят вампира» [10, с. 34]. Против подобного образа мыслей активно выступал Леонтьев, он надеялся, что конец века девятнадцатого отвернется от нигилизма, в письме 1889 г. писал: «40-е годы хороши только со стороны эстетических взглядов. Все остальное в их духе прескверно! В религии – полное отчуждение от Церкви; в политике – либерализм; в личной жизни – ни к чему не ведущее, вечное недовольство собой, ничего общего с христианским “смирением” не имеющее» [9, с. 40]. Он вынужден был констатировать, что происходит сдвиг в трактовке любви: любовь и вера в человека ослабевают, все больше начинают верить в абстрактное человечество, лишь немногие, как Ф.М. Достоевский, не утрачивают веру в самого человека.

Леонтьев не надеялся, что его голос, его предостережения будут услышаны современниками, которые все более верили в прогресс, во всемогущие техники, которая сама решит человеческие проблемы, приведет к благоденствию. Его не слышала Европа, хотя он пытался достучаться до их сердец на десятилетия раньше, чем, допустим, О. Шпенглер, он даже напрямую предрекал закат Запада как своеобразной цивилизации и культуры. И уж совсем вопреки всеобщей эйфории от достижений науки и техники К.Н. Леонтьев выступал «против злоупотреблений машинами, и противу разных прикладных изобретений, “балующихся”, так сказать, весьма опасно со страшными и таинственными силами природы» [7, с. 167]. XX и XXI вв. подошли к предельной черте «игры» с силами природы: уже и разнести в клочья земной шар позволяют запасы оружия, и вызвать массовые

болезни стало по силам науке, близко подошли к искусственным климатическим катаклизмам, ко многому, что засекречено в лабораториях, в конструкторских бюро, на испытательных полигонах.

Если бы К.Н. Леонтьев не написал ничего, кроме работы с афористически звучащим названием «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», он бы вписал свое имя в вершинные достижения философской и социологической мысли не только своего века, но и последующих веков, когда усреднение, унификация жизни, утрата своеобразия национальных культур становились все более очевидными.

Интерес к творчеству К.Н. Леонтьева вспыхнул на закате советского периода нашей истории. В 1991 г. автору этих строк удалось без каких-либо цензурных поправок издать книгу «Пророчества Константина Леонтьева» [1]. В 1994 г. она была переведена на польский язык и обсуждалась в Университете имени Коперника в городе Торунь. Уже в январе 1991 г. в Калуге собрали конференцию, посвященную самому противоречивому земляку – приурочена она была к столетию земной кончины мыслителя. Удивительным оказалось то, что конференцию организовал Калужский обком Коммунистической партии, хотя и знали организаторы, что Леонтьев считал коммунизм формой смесительного упрощения и новой формой рабства. Он сознавал, что как идеал земной справедливости, благоденствия коммунизм не утрачивает своей привлекательности, но ставил диагноз как практикующий врач, каковым он и был по своему образованию. Характерно, что стремление к всеобщим справедливости и равенству он критически оценивал не только эстетически, но и нравственно. Нравственность он связывал с трудностями, испытаниями, «ибо высшая нравственность познается только в лишениях... Лишая человека возможности высокой личной нравственной борьбы – вы лишаете все человечество морали, лишаете его нравственного элемента жизни. Высшая степень общественного благоденствия материального и высшая степень общей политической справедливости была бы высшая степень безнравственности» [7, с. 222–223]. Причем, Леонтьев отметил, что подчеркнуто нарушил написание слова «безнравственности» разделением через дефис, чтобы придать слову крайнюю степень отказа от нравственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: СПбГУ, 1991.

2. Леонтьев К.Н. Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 297–315.

3. Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом? // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 156–179.

4. Леонтьев К.Н. Мое обращение и жизнь на Св. Афонской горе // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 782–804.

5. Леонтьев К.Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 253–351.

6. Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского Дневника» (Публицистика 1880 года) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 7–107.

7. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 100–233.

8. Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 118–143.

9. Письма К. Леонтьева Н. Уманову (1888–1889) // Самопознание. 2015. № 3. С. 35–41.

10. Успенский Л.В. Записки старого петербуржца. Л.: Лира, 1990.

REFERENCES

1. Korol'kov, A.A., 1991. Prorochestva Konstantina Leontieva [The prophecies of Konstantin Leontiev]. Sankt-Peterburg: SPbGU. (in Russ.)

2. Leontiev, K.N., 2007. Dva grafa: Aleksei Vronskii i Lev Tolstoi [Two counts: Alexey Vronsky and Leo Tolstoy]. In: Leontiev, K.N., 2007. Polnoe

sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 8. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 297–315. (in Russ.)

3. Leontiev, K.N., 2006. Kak nado ponimat' sblizhenie s narodom? [How should we understand the rapprochement with the people?]. In: Leontiev, K.N., 2006. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 7. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 156–179. (in Russ.)

4. Leontiev, K.N., 2003. Moe obrashchenie i zhizn' na Sv. Afonskoi gore [My conversion and life at Mount Athos]. In: Leontiev, K.N., 2003. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 6. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 782–804. (in Russ.)

5. Leontiev, K.N., 2003. Otets Kliment Zedergol'm, ieromonakh Optinoi pustyni [Father Clement Zederholm, hieromonk of the Optyna Monastery]. In: Leontiev, K.N., 2003. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 6. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 253–351. (in Russ.)

6. Leontiev, K.N., 2006. Peredovye stat'i «Varshavskogo Dnevnika» (Publitsistika 1880 goda) [Editorials from «Varshavskii Dnevnik» (Journalism of 1880)]. In: Leontiev, K.N., 2006. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 7. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 7–107. (in Russ.)

7. Leontiev, K.N., 2007. Srednii evropeets kak ideal i orudie vseirnogo razrusheniya [The average European as an ideal and instrument of universal destruction]. In: Leontiev, K.N., 2007. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 8. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 100–233. (in Russ.)

8. Leontiev, K.N., 2006. Chem i kak liberalizm nash vreden? [Why and how is our liberalism harmful?]. In: Leontiev, K.N., 2006. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 7. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 118–143. (in Russ.)

9. Pis'ma K. Leontieva N. Umanovu (1888–1889) [K. Leontiev's letters to N. Umanov (1888–1889)], Samopoznanie, 2015, no. 3, pp. 35–41. (in Russ.)

10. Uspenskii, L.V., 1990. Zapiski starogo peterburzhtsa [The notes of an old Petersburg]. Leningrad: Lira. (in Russ.)